

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2016

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Быков А.В.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)43/44

УДК 94(47).04=161.1(045)"0/2"(470+571)

Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»

Ключевые слова: XV век, военное дело, феодальная армия, Великое княжество Московское, Великий Новгород, профессиональный воин, ламеллярный доспех, пластинчатый доспех, колонтарь, юшман, цена на доспех.

Автор: Быков Александр Владимирович. В 2005 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: "Новгородское войско XI–XV веков". Область научных интересов: военная и социальная история средневековой Руси. partizan007@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — М., 2004.

Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота. — Псков, 1997.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. — Л., 1971. — Вып. 3.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. — Л., — 1966.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>

Ссылка для печатных изданий:

Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Bykov A. Response to O. Schindler's "The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century"

Response to [O. Schindler's "The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century"](#)

Keywords: fifteenth century; military art; medieval army; Grand Duchy of Muscovy; Novgorod Republic; professional soldier; lamellar armor; plated armor; kalantar (square plates); yshman (long horizontal plates, both embedded in chainmail); price list for the armor.

Author: In 2005, Alexander Bykov defended his doctoral dissertation titled "The Novgorod troops from the eleventh through the fifteenth century." He specializes in military and social history of the medieval Russia. partizan007@yandex.ru

References:

Schindler O.V. The modification of fashion: Russian armor in the second half of XVth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 72-97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

Alekseev Ju.G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The campaigns of the Russian army under Ivan III]. — SPb., 2009.

Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient weapons]. — L., 1971. — Vyp. 3.

Kirpichnikov A.N. Voennoe delo na Rusi v XIII-XV vv. [Military Affairs in Russia in XIII-XV centuries] — L., — 1966.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>

Reference:

Bykov A. Response to O. Schindler's "The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

А.В. БЫКОВ

ОТЗЫВ

на статью Шиндлера О.В.

«Смена доспешной моды на Руси
во второй половине XV в.»

Экстраполяция современных представлений и схем на прошлое, равно как и экстраполяция схем, действенных и доказанных для одних периодов истории — на другие, особенно более ранние периоды, легко может привести к ошибкам, серьезно искажающим понимание исследуемых событий. Пример такой экстраполяции мы наблюдаем в статье О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»¹.

Нам представляется, что основная ошибка статьи в самой методологии осмысления, которую автор применил к изучаемому вопросу. Термин «доспешная мода» хотя и взят в кавычки в тексте статьи, но, к сожалению, воспринимается автором и применяется почти буквально, словно речь идет о нынешней переменчивой моде на быстро изготавливаемую и быстро изнашивающуюся одежду, в 90% цены которой заложены траты на ее рекламу и продажу. Однако средневековый доспех — материя куда более косяная. Сам подход к трансформациям в защитном снаряжении как к веяниям моды приводит к тому, что автор сравнивает категории в принципе несравнимые и приспособляет, осознанно или не осознанно, аналогии и стереотипы в отношении средневекового доспеха совершенно не подходящие. Это приводит автора к превратной трактовке сведений из источников и к ошибочным выводам, а порой и к подгонке имеющейся у него информации к заранее заданным схемам, продиктованным представлениями из совсем других эпох.

Военные трофеи, в том числе и доспехи побежденных врагов, воспринимались средневековыми воинами как законная добыча. Отказываться от трофейных доспехов потому, что «у нас уже есть доспехи лучшего качества» для средневекового воина столь же нелепо, как для современного работника отказываться от премии, так как «деньги у меня уже есть, мне же зарплату уже выдали». В любой кузнице самые неудачные и «немодные» доспехи воин мог легко «конвертировать» в другие, необходимые для него железные изделия. Да и не только в кузнице. В новгородской берестяной грамоте № 138, датируемой 1300–1310 гг., некий Селивестр упоминает в числе того, что должны ему «...доспехи ценою в две гривны серебра»². В статье 31 [23]³ Псковской судной грамоты предусмотрено использование доспеха в качестве залога, обеспечивающего денежный займ: «*Что на ком имет ссуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платной или доспех, или конь, или иное што назрячее и животное...*»⁴. Таким образом, доспех на Руси в XIV–XV веках надо рассматривать в ряду предметов ценных, ликвидных, таких, которые оставляют в залог, под денежные займы или выдают займы, оценивают в гривнах серебра, порой используют во взаимных расчетах наряду с деньгами.

Однако в 1471 г., после Коростынского сражения, судя по сведениям московского летописного свода, московские воины уничтожили доспехи новгородцев, доставшиеся им как военные трофеи. Почему?

О. В. Шиндлер полагает, что «...во время сражения на Коростыни произошел довольно интересный эпизод: на исходе сражения победившие новгородскую судовую рать москвичи снимают с поверженных противников доспехи, бросают их в воду или сжигают (!), иными словами, просто брезгуют этими трофеями. В чем причина столь радикального отношения к доспехам новгородцев? Возможно, они были не нужны москвичам, т.к. не считались больше соответствующими московским стандартам?»⁵.

К сожалению, никаких документально зафиксированных «московских стандартов на доспех» XV века и предшествующих периодов до нас не дошло. И археологический материал не позволяет нам выявить такие стандарты, характерные исключительно для московских воинов XV века. Тут мы имеем дело с экстраполяцией позднего явления на более раннюю эпоху. И вообще понятие «стандарт» по отношению

к доспеху уместно лишь в эпоху Нового времени, когда было налажено массовое мануфактурное производство. Рассмотрение событий XV века при помощи вырванной из контекста цитаты, даже ее трактовки через призму понятий XXI или, возможно, XIX века ведет к заведомо ошибочному суждению о том, что воинские доспехи в XV веке на Руси можно было просто так взять и выбросить за ненадобностью, так как они оказались «не того фасона».

Если бы события после разгрома отрядом Холмского новгородской судовой рати под Коростынью пошли по стандартному для средневековой войны сценарию (захват пленников ради получения выкупа, захват их доспехов и другого имущества в качестве военных трофеев), тогда об этом привычном ходе событий летописец, скорее всего, вообще бы не упомянул. Как не упоминали летописцы о подобных событиях десятки раз до этого и после этого. Как не упомянул о захвате доспехов или об отказе от захваченных доспехов этот же летописец при описании действий этого же самого отряда после его побед в битвах под Русой и под Шелонью. А ведь доспехи с убитых и плененных противников достались воинам Даниила Холмского как после Коростынского сражения, так и после сражений под Русой и на Шелони. Если о том, что произошло с доспехами в последних двух случаях, умалчивается, то, значит, с ними поступили обыкновенным образом. Как всегда. А то, что произошло с доспехами после Коростынского сражения — случай совершенно не типичный, и именно поэтому, с точки зрения летописца, нуждающийся в описании и разъяснении.

Смысл произошедшего под Коростынью раскрывается только в контексте предыдущих и последующих военных событий. Наступление войск великого князя московского и его союзников на Новгород в 1471 году происходило по линии Торжок — Демон (ныне — Демянск) — Руса (ныне — Старая Руса) — Коростынь — устье Шелони. Основные силы московского войска находились где-то на пути от Торжка к Демону, а передовой отряд под руководством воевод Даниила Дмитриевича Холмского и Федора Давыдовича Хромого был отправлен Иваном III на Русу и далее к Шелони⁶.

«Дошедшим же воеводам тем до Русы, поплениши и пожгоши место то, и пленив то и пожег поидоша близ к Новугороду к реце Шолоне. И яко же приидоша на место, нарицаемое Коростыня, у озера Илмеря

на брезе, и внезапно паки безвестно прииде на них по озеру рать на судех от Новагорода и ис суд вышед приидоша таем под станы их, а им в то время оплошавшимся. Сторожи же воевод великого князя видевше их возвестиша воеводам, они же в тои час вѡоруживъшеся поидоша противу их и многих избиша, а иных руками изымаша, тем же изниманным самим меж себя повелеша носы и губы и уши резати, и отпускаху их назад к Новугороду, а доспехи снимающе в воду метяху, а инии огню предаша, не бяху им требе, но своими доспехи всеми довольни бяху»⁷.

Воины Холмского почему-то уничтожили трофейные доспехи. Утопили, видимо, металлические доспехи, а сожгли кожаные и матерчатые. Даже если все воины московского отряда имели доспехи лучшего качества, чем трофейные, зачем же они уничтожили свою законную добычу? Ответ на эти вопросы содержится в следующих же строках летописи: *«И оттоле паки възратишася к Русе в тои же день, оже в Русе инаа рать пешаа множае первое и сугубеишиа, пришли рекою на судех Полою именем. Воеводы же великого князя и на тех пришедше побииа их...»⁸*. То есть отряд Холмского вернулся на Русу срочно, в тот же день, чтобы не быть отрезанным от основных московских сил судовой ратью, более многочисленной и сильной, чем предыдущая, разбитая под Коростынью новгородская рать.

Таким образом, миф о «некачественных доспехах» развеивается просто при внимательном прочтении источника. Воины Холмского были вынуждены бросить все добытое в бою и мчаться для того, чтобы сразится с новым, еще более сильным противником. Естественно, они не знали заранее, победой или поражением кончится предстоящее новое сражение. Если бы им пришлось спастись бегством после поражения, то им пришлось бы бросить и пленников и трофейные доспехи. Именно опасность, что добытые трофеи в результате достанутся врагу, вынудила воинов Холмского отпустить, предварительно покалечив, пленников (возиться с заложниками они не могли, а убивать пленников рука все же не поднялась), а трофейные доспехи просто уничтожить.

Стоит обратить внимание на то, что после победы над судовой ратью под Русой отряд Холмского не двинулся снова к Коростыне и далее к устью Шелони и даже не задержался в Русе. Вместо этого он отступил обратно к Демону. Так была ли эта победа такой же решительной

и бесспорной, как победа при Коростыне? Наверняка сказать невозможно. Но тот факт, что Даниил Холмский счел лучшим отступить, говорит или о больших потерях в его отряде, или, по крайней мере, о том, что этот отряд был недостаточно силен, чтобы и дальше чувствовать себя в безопасности в условиях, когда по Ильменю могут прибыть в судах и совершить нападение отряды, подобные тому, с которым он столкнулся в Русе. Отступивший к Демону отряд Холмского, видимо, был существенно пополнен, прежде чем снова двинуться к Шелони.

Почему же летописец не написал прямо, что воеводы Холмский и Хромой были вынуждены бросить свою военную добычу? Почему не предъявил очевидный мотив уничтожения трофеев — «чтобы не достались врагам»? Ответ таков: как московский летописец он относился к московским воеводам с симпатией и стремился представить их действия в самом выгодном свете. Это было тем более актуально, что записывалась эта история уже после того, как Холмский и Хромой одержали победу под Шелонью, предопределив, таким образом, своими действиями результат всей войны 1471 года. Видимо, выставляя главных героев войны бросающими ценную военную добычу, опасаясь поражения от судовой рати под Русой, показалось летописцу неуместным. Тем более что по концепции этого самого летописца именно бесстрашие Холмского и Хромого, их уверенность в собственной победе привели к «чуду» атаки на новгородское войско через реку без брода с последующим «чудесным» же разгромом превосходящего их по численности новгородского войска благодаря «Божьей помощи». «Плохие доспехи» новгородцев под Коростыню — это типичный «зеленый виноград» из известной басни. Причем домыслил про «плохие доспехи» явно летописец, мало знакомый с реальным бытом военных людей. Человек военный никакого бесчестья или ущерба репутации не усмотрел бы в уничтожении трофеев, «чтоб врагам не достались».

Занятно, что О.В. Шиндлер, продвигая идею о «некачественных доспехах» новгородцев, сам же упоминает о том, что «...согласно летописным данным, в сражении под Русой новгородцы использовали столь крепкие „доспехи“, что московские ратники, вооруженные луками, предпочли обстреливать новгородских лошадей»⁹. Однако предположение о массовом использовании новгородскими ополченцами

западноевропейских доспехов в XV веке не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками¹⁰.

Летопись Авраамки сообщает, что в 1456 году новгородцы «...приехаша к Русе, и въструбиша, и услышав то москвице и татарове, и выидоша из Русе противу им, и съступишася, бысть бой у Ильи святого на огородах, и паде москвиць и татаров 50 человек; и побегоша москвице в Русу, а новгородци поидоша за ними по улицам и по двором, а инии сшедше с конев и почаша снимать с шестников и татаров битых ту платье и доспехы, и исполошишася новгородци, а того не видяху, что рать иная идет ис поля, полк москвиць, и татарове учаша стреляти кони у новгородчев, и ударишася на новгородчев и съзаци и с стороне, и смутиша силу новгородскую Божиим велением»¹¹.

Никаноровская летопись сообщает о тех же событиях: «Бысть же плетень меж их и суметы снежные велики, и не бе им лъзе вместо снятися. Вои же великого князя, видевшие крепкия доспехи на наугородских, и начаша стрелами бити по конем их. Кони же их, яко взбеснеша, и начаша метатися под ними, и с себе збивати их. Они же, не знающе того бою, яко омертвеша, руки ли им ослабиша, копия же имяху долъга и не можаягу и взднимати их тако, яко же обычаи есть ратным, но на землю испускающе их, конем бьющимъся под ними, и так валяхуся под кони свои, не могуще держати их»¹².

Во-первых, мы видим, что доспехи на новгородских воинах, попавших в засаду, хорошие. Стрелы московских воинов не могут их пробить с безопасного расстояния, и москвичи вынуждены убивать под новгородцами коней. Хотя кони — это тоже довольно ценный трофей, и для любого воина было бы предпочтительней убить вражеского седока, а его лошадь забрать себе. Ни в приведенных, ни в каких-либо других известных нам синхронных сообщениях о битве 1456 года нет никакого намека на то, что доспехи новгородцев были «западноевропейского образца», и уж тем более «латными». Это лишь догадки, основанные на предубеждении «если хорошее, значит, с запада».

Во-вторых, новгородцы, имея хорошую, даже по признанию московской стороны, экипировку, тем не менее, кидаются снимать доспехи с поверженных москвичей и татар, несмотря на то, что заниматься мародерством, не убедившись наверняка, что противник уже

побежден, просто опасно. Это поведение, на наш взгляд, подчеркивает ту ценность, которую имели доспехи в XV веке.

Два раза в XV веке происходило прямое столкновение новгородской и московской конницы: под Русой в 1456 году и под Шелонью в 1471 году. Судя по новгородским источникам, новгородцы москвичей в первом случае опрокинули, а во втором, если не полностью опрокинули, то серьезно потеснили: *«И начаша ся бити, и погнаша Новгородци Москвичь за Шолону реку»*¹³. Московские источники этим сведениям не противоречат. Оба раза победы московские войска добились не в лобовом столкновении с новгородской конницей, а при помощи обходного маневра и обстрела не прикрытых доспехами новгородских коней. Из этого следует, что оба раза происходило столкновение тяжелой новгородской конницы с легкой московской.

У сталкивавшейся с новгородцами в бою московской конницы был более легкий, хуже защищающий в рукопашной схватке доспех, и именно поэтому она оба раза не выдержала прямого столкновения с новгородцами. Но при этом даже такой, хуже защищающий доспех новгородцы под Русой кинулись собирать с убитых. Московские воины после Коростынского сражения тоже с радостью воспользовались бы трофейными доспехами, независимо от того, лучше московских были доспехи воинов судовой рати или хуже. Очевидно, что уничтожить доспехи их вынудили крайние обстоятельства, а не плохое качество этих доспехов.

Еще один эпизод войны 1471 года явно понят О.В. Шиндлером превратно. Автор пишет: *«А прочие „новгородцы“, согласно этому источнику, по их словам, „испотеряхся конем и доспехом»*¹⁴. Последнее, конечно, надо понимать как метафору: если бы в тот раз у новгородцев дела с лошадьми и вооружением обстояли как-то особенно плохо, то официальный московский великокняжеский летописец точно не умолчал бы об этом»¹⁵.

Дело не в метафоре. Вот более полная цитата: *«Начаша Новгородци вопити на больших людех, которыи приехали ратью на Шолону: „оударимся ныне“, кождо глаголюще: „яз человек молодый, испотеряхся конем и доспехом“; Москвичам же до понедельника отлагающим, баше бо неделя (в воскресенье. — А.Б.)»*.

Выражение «человек молодой» значит «молодший», младший, то есть человек не богатый и не знатный, с невысоким социальным статусом.

«Испротеряхся конем и доспехом» значит «потратился на коня и доспех». Слово «протор» переводится как «издержка», «убыток»¹⁶. Небогатый новгородец, призванный в ополчение, потратил свои сбережения на коня и доспех или вооружился в долг в надежде на то, что вернется с войны с трофеями и так сторицей окупит свои издержки, повысит свой имущественный статус. Именно поэтому он призывает ударить на москвичей, не дожидаясь понедельника. Он боится, что бояре начнут переговоры и завершат дело миром, т.к. такой исход лишит его военной добычи. Получится, что он зря потратил чрезмерные для него средства на коня и доспех. Делать вывод о том, что у него плохой доспех или плохая лошадь, опираясь на слово «испротеряхся», было бы неправильно. Скорее, у него дорогие (в соотношении с его финансовыми возможностями) лошадь и доспех. Рискованное капиталовложение, которое прямо сейчас, если дело кончится миром, грозит для него превратиться в убыточное.

Впрочем, к подобным выводам историки приходили и раньше. Показателен неудачный перевод этого отрывка, сделанный В.В. Колесовым¹⁷. Он дает такой перевод этой фразы: «*Сразимся сейчас; но каждый говорит: „Я человек небольшой, подрастратился конем и оружием“*». Однако этого «но» нет в оригинале. Его В.В. Колесов домыслил, возможно, чтобы придать тексту большую (на его взгляд) ясность. Однако как можно «*подрастратиться*» конем и доспехом по В.В. Колесову? Конь не может растратиться по кусочкам. Он либо жив, либо пал. Точно так же и доспех не может просто износиться за время похода, как старая рубаха. Доспех не носится как повседневная вещь, а надевается непосредственно перед боем. Да, доспех можно повредить или потерять. Но как «*подрастратить*», то есть частично утратить, «немного износить» воинский доспех? Потерять с доспеха несколько пластинок?

Использованное В.В. Колесовым в переводе «но» создает лишь видимость большей осмысленности текста. Такой перевод придает этой фразе смысл «ударим сейчас, потому что я человек небогатый, у меня и конь и доспех плохие». Однако каким образом плохой («*подрастратченный*») конь и доспех могут стать мотивом для того, чтобы ударить именно сейчас? Ведь наоборот: человек с плохим конем и доспехом должен бы сражения избегать, просить о мире, раз не готов к бою.

Однако если «люди небогатые» все свои деньги потратили на военное снаряжение, а то и в долги залезли, тогда у них одно желание — скорее в бой, победить и трофеями возместить свои расходы. А тут перед ними враги в меньшей численности. Легкая, на взгляд молодых ополченцев, добыча. Именно поэтому они и требовали *«ударимся ныне!»*

Мы предлагаем следующий вариант перевода этой фразы: *«„Ударим сегодня“, каждый говорил: (далее поясняя свою позицию) „я человек небогатый, сильно потратился на коня и доспех“ (имея в виду, что победа в сражении и военные трофеи помогут возместить эти расходы); Москвичи же просили отложить сражение до понедельника, потому что тогда было воскресенье (а в воскресенье воевать грешно)».*

О. В. Шиндлер далее пишет: *«В рамках „западной теории“ происхождения пластинчатых доспехов на Руси их закат в Москве можно объяснить общей конфронтацией с латинским Западом».* Но это опять применение категорий «моды» на поле, для него совершенно не свойственных. Взятая в жены Иваном III Софья Палеолог, католичка византийского происхождения, и весь ее римский двор, прибывший в Москву, посольства Ивана III к германскому императору и в Рим, использование при создании Геннадиевской библии текстов католической Вульгаты в качестве первоисточника, выстроенный итальянцами московский кремль — это все примеры активнейших культурных связей, прямых заимствований в том самом *«латинском западе»*, в рамках той самой *«конфронтации»*. Никакой *«общей конфронтации с латинским западом»*, полагаю, просто не было. Кроме того, никакие перипетии международной политики, да и культурные заимствования сами по себе, думается, не могли оказать существенного влияния на то, какой доспешный комплекс заказывал мастерам тот или иной воин для себя лично, или тот или иной военачальник для своих подчиненных.

«Но в XV в. необходимость перенимать европейские новации для усовершенствования собственного ратного дела в „Третьем Риме“ не была очевидной», — сокрушается Шиндлер, как будто в XV веке европейское военное дело могло предложить что-то более эффективное, чем уже принятая на вооружение в Восточной Европе маневренная конница, вооруженная и действующая *«на степняцкий манер»*. Успешное применение такой конницы против войск, организованных в рамках западноевропейской военной традиции, в битвах при Никополе

(1396), при Ворскле (1399), при Грюнвальде (1410) и в ряде других сражений показало, что Восточной Европе в тот период не было необходимости перенимать западный комплекс доспеха и вооружения. В условиях, когда война велась на обширных пространствах и с применением дальнобойных композитных луков, восточноевропейский комплекс защитного снаряжения, ориентированный на применение маневренной конницы и стрелкового оружия, оказался эффективнее тяжелого западноевропейского доспешного комплекса, ориентированного не на маневрирование и перестрелки, а на прямое столкновение и рукопашную схватку.

А эффективные технические новинки из Западной Европы успешно перенимались в Европе Восточной, причем с удивительно малой временной задержкой. Так, применение крепостной артиллерии зафиксировано летописями в Бугаре в 1378 г., в Москве в 1382 г. Таким образом, никакого военного отставания Восточной Европы от Западной в XV веке не наблюдается. На начало XV века, скорее, наоборот, некоторые державы Южной и Восточной Европы оказываются в плане военной организации впереди Европы Западной. Мы снова видим экстраполяцию на XV век более поздних явлений, что мешает О. В. Шиндлеру адекватно оценивать источники XV века.

Автор рассматривает изменения в защитном снаряжении именно как «западное влияние» или «монгольское влияние», однако речь идет не о современной моде на наряды, а, если уж проводить современные аналогии, о «моде» на танки или на авианосцы. Приоритет тому или иному виду вооружений диктуют не культурные влияния и вкусовые предпочтения лидеров. Выбор вооружения в гораздо большей степени диктуется военной целесообразностью, то есть театром военных действий и сложившейся практикой ведения боя. Конструктивные особенности основной массы доспехов того или иного региона, видимо, изменялись не вследствие культурных влияний, а по мере изменения практических требований воина к доспеху и роста технических возможностей тех, кто эти доспехи изготавливал. Культурное влияние, как и местные эксперименты по улучшению доспехов, конечно, имели место. Они были необходимым условием для появления нового типа доспеха. Однако появление знаний о том, как устроен и чем полезен тот или иной доспех или любой другой вид вооружения, никак не

могли привести к немедленному перевооружению на новый лад целых армий. Новый вид вооружения должен быть еще и более подходящим для сложившейся практики ведения боя. Также необходимы технические и экономические возможности для замены старого вида вооружения на новый. Перевооружение, видимо, происходило постепенно и только при выполнении всех этих условий.

О. В. Шиндлер пишет: *«Первый казанский поход 1467 г. закончился для Руси неудачно. Военные цели похода не были достигнуты, а согласно Львовской летописи, в одном из сражений 1468 г., русские даже „доспехи метали“. По мнению М. Г. Рабиновича, А. Ф. Медведева и А. Н. Кирпичникова, сбросить доспех было возможно, только если он был на ремешках или завязках, т.к. от кольчатого доспеха таким способом не избавиться. Уже в 1469 г. предпринимается второй казанский поход, который приносит относительный успех — в конечном итоге войска Ивана III осадили Казань, и татары были вынуждены заключить мирное соглашение. В связи с этим успехом москвичей у нас возникла гипотеза, а не связан ли он с нововведениями в военном деле? Возможно, после первого казанского похода было принято решение полностью отказаться от старых доспехов, и, в таком случае, помимо заимствования татарской тактики, успеху второго похода способствовало заимствование татарских же доспехов, которые к тому же принесли победу москвичам над новгородцами»¹⁸.*

Эта гипотеза ошибочна, т.к. средневековые доспехи это не военное обмундирование регулярной армии XVIII–XXI вв., которое имеет относительно невысокую цену и выдается воину за счет казны. Решения о смене обмундирования или о смене одного вида вооружения на другое принимались централизованно в регулярных армиях. Хотя и там порой на перевооружение уходили годы и даже десятилетия. Однако никакой регулярной армии, никакой централизованной системы снабжения, способной обеспечить одновременную смену доспехов в крупном военном подразделении на Руси XV века еще не было. Средневековые доспехи были личным имуществом воина или, возможно, его военачальника, сюзерена. Такого рода снаряжение изготавливалось и собиралось годами. Смена доспешного снаряжения во всем войске Ивана III за период 1468–1469 гг. была просто невозможна.

И не только по приведенным выше причинам, но и по причине феодальной структуры войска Московского князя.

Это войско, как и любое другое феодальное войско Древней Руси, состояло из отдельных княжеских дворов, военных отрядов и ополчений разной численности, разной подчиненности, по-разному обеспеченных доспехами и другим необходимым снаряжением. Даже если бы один из князей, пусть даже великий московский князь, нашел средства, чтобы в течение года полностью заменить старые доспехи своих дворян на новые, более «прогрессивные», то вероятность того, что подобный дорогостоящий шаг в этом же году предпримут и другие, союзные ему великие князья, подчиненные ему и его союзникам удельные и служилые князья, их бояре и воеводы со своими дружинами, стремится к нулю. Собственные дворяне московского князя были важной, но только небольшой составной частью его войска. Феодальное ополчение в принципе не совместимо с единовременным перевооружением. Даже если были бы приняты специальные указы, которые повелевали бы всем подданным московского князя перевооружить своих профессиональных воинов — даже в этом случае такого быстрого перевооружения, какое предполагает О. В. Шиндлер, не произошло, т.к. в силу дороговизны и сложности изготовления доспехов на это перевооружение потребовались бы огромные средства и немалое время для работы ремесленников.

Тенденции в изменениях «доспешной моды» О. В. Шиндлер вслед за многими другими исследователями этой темы определил в целом верно. Смена одного типа доспехов на другой, несомненно, происходила в течение XV века и среди воинов Московского княжества, и среди воинов других государственных образований Восточной Европы. Но этот процесс не мог быть единовременным даже в рамках одного феодального войска, как не мог он уложиться в год и даже в десятилетие. Он происходил на протяжении многих десятилетий. Что и зафиксировано постепенным появлением новых, обозначающих защитное снаряжение терминов в источниках XV — начала XVI веков. По мере того как новые типы доспехов показывали свою эффективность на практике, они становились более популярными среди заказчиков. Но замена старых доспехов на новые могла происходить лишь по мере технических и финансовых возможностей их владельцев.

А. Н. Кирпичников прямо указал на причину разницы между доспешными комплексами Севера и Юга Руси. Причина более тяжелого доспеха Северной Руси в «...удаленности от степи и **близости** к **тяжеловооруженным западным противникам**»¹⁹. Наибольшее, определяющее действие на то, какой доспех использовался, оказывало не культурное влияние и не идеологические и политические предпочтения общества и его лидеров, а то, с кем чаще приходилось сражаться воинам, какой манере боя им чаще приходилось противодействовать. К сожалению, восприятие смены доспешных комплексов как смены «моды» привело автора к тому, что он не заметил прямого ответа на поставленный им вопрос даже в цитате, которую он сам привел в собственной статье.

Какой же вывод можно сделать, глядя на то, в каком направлении изменялся доспех в XV в.? И шире — на то, как изменился древнерусский доспех, если сравнивать «срезы» XIV и XVI вв.? Кольчужные брони имели место на протяжении всего периода и принципиальных конструктивных изменений не претерпели. Однако пластинчатые доспехи за XV век были существенно модифицированы. Если в XIV веке преобладают доспехи, собранные из пластин, скрепленных между собой (ламельлярный доспех), либо из пластин, закрепленных на какой-то мягкой основе (кожаной, матерчатой), то к XVI веку мы видим в Восточной Европе преобладание доспеха, состоящего из пластин, скрепленных между собой при помощи кольчужного полотна.

Тяжелый пластинчатый доспех, применявшийся теми же новгородскими ополченцами в XV веке, успешно защищал их как от вражеских стрел, так и в лобовых столкновениях с противником. Чем же тогда был обусловлен переход от пластинчатых доспехов на мягкой основе к доспехам, составленным из пластинчатых и кольчужных элементов? Сложность изготовления таких доспехов вполне сопоставима. Защитные качества бехтерца или калантаря XVI века тоже вполне сопоставимы с защитными свойствами новгородского «доспеха Анцифора Лукиничча» или псковского «доспеха Довмонта». Мало того — доспехи из пластин на мягкой основе немного проще в изготовлении. Ведьшить и наклепать уже готовые пластины на мягкую основу мог и не кузнец. А вот сборка пластин между собой при помощи клепаных и, тем более, сварных кольчужных колец требовала уже профессионального кузнечного мастерства и оборудования.

Однако у доспехов с мягкой (кожаной или матерчатой) основой есть существенный недостаток сравнительно с доспехами на кольчужной основе. Доспех на мягкой основе впитывает воду. В условиях дождя и даже утреннего тумана такой доспех пропитывается водой, и потом та, соприкасаясь с нашитыми и наклепанными на нее пластинами, приводит к их коррозии. Доспех на мягкой основе при частой эксплуатации быстрее ржавеет. Понятно, что если его регулярно сушить и смазывать жиром, то это ощутимо замедлит коррозию. Но все эти процедуры требуют времени и кропотливого труда. То есть доспех на мягкой основе будет вполне удобен для человека, который использует его не часто и имеет свободное время (или слуг, которые бы поддерживали этот доспех в исправном состоянии). Кроме коррозии, в таком доспехе нити и шнуры, пришивающие пластины к основе или связывающие пластины между собой, имеют свойство со временем перетираться, рваться от ударов по доспеху. Все эти поломки нуждаются в своевременной починке.

В то же время у доспеха на кольчужной основе «эксплуатационные издержки» значительно меньше. Для предотвращения коррозии достаточно смазать такой доспех жиром с наружной и изнаночной сторон. (И сделать это гораздо проще, чем смазать с двух сторон пластины доспеха, собранного на мягкой основе.) Крепление из клепанных или сварных колец не перетирается в ходе носки, гораздо более устойчиво при ударах по доспеху. Такой доспех требует значительно меньше работы по поддержанию его в хорошем состоянии. Такой доспех, даже намочив от дождя или тумана, быстро высохнет на солнце или может быть быстро высушен возле костра без опасности, что кожаные или матерчатые его компоненты загорятся.

Таким образом, доспех с мягкой основой можно назвать «доспехом состоятельного ополченца». У него такой доспех большую часть времени висит в сухой кладовке или лежит в сухом сундуке. Лишь иногда такой доспех берется в поход. В походе он быстро надевается непосредственно перед боем и крепится при помощи нескольких ремней-застежек. По окончании боя снимается. У хозяина такого доспеха довольно слуг (или собственного времени), чтобы сушить, чистить, чинить этот доспех. Такой состоятельный ополченец даже при наличии на рынке доспехов обоих типов будет рад сэкономить немного

на стоимости доспеха. Тем более что в целом по защитным свойствам такой доспех на мягкой основе не хуже доспеха на кольчужной основе. А чинить и приводить в порядок доспех хозяин или его слуги будут нечасто.

С другой стороны, доспех типа колонтаря или юшмана, собранный на кольчужной основе, мы назвали бы «доспехом профессионального воина». Такой доспех стоил, видимо, немного дороже, но его было гораздо проще поддерживать в хорошем состоянии. В условиях, когда такой доспех лежит большую часть времени в сундуке, такое преимущество незначительно. Но в случае, когда такой доспех используется часто, когда его хозяин большую часть времени проводит в походах, на караульной службе, это уже существенное преимущество, ради которого даже небогатый воин постарается вложиться в чуть более дорогой доспех, чтобы потом постоянно экономить на слугах или на собственном труде. Это преимущество, не связанное с той или иной модой, тем или иным иноземным влиянием или культурным предпочтением. Это преимущество бытовое, практическое, проявляющееся практически ежедневно, и потому являющееся решающим.

Замена в XIV–XVI вв. пластинчатых доспехов, собранных на мягкой основе, на пластинчатые доспехи, собранные на кольчужной основе, это признак профессионализации военного дела в Древней Руси. Чем больше в составе феодальных ополчений Древней Руси становилось профессиональных воинов, использовавших доспех регулярно, часто, а не от случая к случаю, тем большим становился спрос на более практичные в частом использовании доспехи.

Жестко, на причинно-следственном уровне связывать переход к пластинчатым доспехам на кольчужной основе с «восточным влиянием» и с влиянием «степняцкой» тактики на воинов московского княжества нам кажется некорректным. Дело в том, что тактика степняков — налеты и обстрел противника из луков, ложные отступления, атака из засады — все это было знакомо жителям Руси еще с домонгольских времен. Такая тактика и возможность ее применения обусловлена вовсе не тем или иным доспехом, тем более не таким дорогим и сложным в изготовлении, как колонтари и юшманы XVI века. Половецкие, а затем и монголо-татарские вооруженные формирования использовали эту тактику еще до появления подобного доспеха

в Восточной Европе. Эта тактика была возможна для любого войска, в котором много хороших всадников, умеющих стрелять, одновременно передвигаясь верхом, имеющих при себе много хороших, композитных, дальнобойных луков, достаточно компактных, чтобы их было удобно использовать для стрельбы из седла. Пластинчатый доспех на кольчужной основе, ставший популярным в Восточной Европе в XVI веке для применения такой тактики вовсе не необходим. Половцы обходились кольчужными бронями. Монголы — разного рода ламеллярным доспехом или доспехом на мягкой основе (хатангу дегель), используя, по сути, ровно такую же тактику ведения боя, которую демонстрировали московские ратники в битвах под Русой в 1456 г. и под Шелонью в 1471 г.

Русские воины были хорошо знакомы с этой тактикой еще в домонгольский период и старались ей по мере сил противодействовать. Проблема русских воинов была не в «неподходящих» доспехах, а в том, что оседлое население не имело природных, естественных навыков конного боя с применением луков. Неоткуда было этим навыкам взяться у крестьян при ведении пашенного земледелия. А кочевое население такие навыки имело именно в силу своего образа жизни и хозяйствования в степях. В результате любой кочевник-ополченец практически без дополнительного обучения был пригоден как боец со знанием «степняцкой» тактики ведения боя. Чтобы успешно ей противостоять, у русских князей просто не было достаточного количества воинов, профессионально владевших и верховой ездой, и стрельбой из лука с коня. Дружины князей, профессионально владевшие этими навыками, были по сравнению со степняцким ополчением немногочисленными. А от столкновения с пешим русским ополчением степняки могли легко уклониться. Задача противодействия тем же половцам решалась успешно только в результате союза и слаженных действий конных дружин многих князей. Другой способ — привлечение на свою сторону в качестве боевой силы союзных кочевников — также активно применялся русскими князьями еще в домонгольский период. Это и многочисленные военные союзы русских князей с половецкими ханами, закрепленные браками на половчанках, и использование Киевскими князьями одного из кочевых племен в качестве постоянного военного союзника (черные клобуки).

Ровно такими же методами для противостояния «степняцкой» тактике пользовались и московские князья до конца XV века: использование в войске многих дворов союзных, удельных, служилых князей, задействование в качестве военной силы татарских царевичей с их откочевавшими соплеменниками.

Принципиально изменило ситуацию только решение Ивана III о создании многочисленного поместного дворянства на землях, конфискованных в ходе присоединения к Московскому государству Новгорода. Именно создание поместного дворянства как собственной военной силы, подчиненной напрямую великому князю, вооруженной и способной действовать, в том числе и по «степняцкой» тактике, способствовало резкому увеличению численности военных сил великого князя и, соответственно, его военных возможностей. Роль городских и сельских ополчений с появлением поместной конницы в Московском государстве постепенно сходит на нет. Появившийся слой поместных дворян, в отличие от ополченцев, участвует в военных действиях не эпизодически, а регулярно, по нескольку месяцев в году, практически ежегодно. Другой режим участия в военных действиях ведет к росту профессионализма воинов и в том числе к изменению их требований к доспеху.

Таким образом, тактика ведения боя на степном пограничье Руси была «ориентализированной» задолго до XV века. К его концу у московского государства просто появилось больше возможностей для использования в войнах «степняцкой» тактики. А постепенное изменение преобладающего типа доспехов на протяжении XV века говорит не об ориентализации, а о все большей профессионализации войска Московского государства.

Ссылки

¹ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 72–97 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).

² Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — М., 2004. — С. 533.

³ Как указал М. А. Несин, нумерация статей Псковской Судной грамоты в монографии Ю. Г. Алексева противоречит традиционной нумерации, принятой при издании данного памятника. Но с чем связано это расхождение, ученый не поясняет.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. — М., 1994. — Т. 1. — С. 334; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. — Псков, 1997. — С. 23.

⁵ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 79.

⁶ Довольно подробно действия московских войск в войне 1471 года разобраны в монографии Ю. Г. Алексева (Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 102–142).

⁷ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ) — М., 2000. — Т. 25. — С. 288.

⁸ Там же.

⁹ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 79.

¹⁰ Археологические находки, которые можно трактовать, в том числе, и как части западноевропейского доспеха типа «корацин», единичны, и относятся не к XV, а к первой половине XIV в. (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Л., 1971. — Вып. 3. — С 17. — Рис. 4 (№ 10, 11)).

¹¹ ПСРА. — СПб., 1889. — Т. 16. — Стб. 195.

¹² ПСРА. — М. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 119–120.

¹³ ПСРА. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1 — С. 446–447.

¹⁴ Там же. — С. 446.

¹⁵ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 81.

¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря Древне-Русского языка по письменным памятникам. — СПб., 1893. — Т. 2. — Стб. 1597–98.

¹⁷ Памятники Литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М., 1982. — С. 404–405.

¹⁸ Шиндлер О. В. Смена доспешной моды... — С. 83.

¹⁹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. — Л., — 1966. — С. 34; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Л., — 1971. — Вып. 3. — С. 15.